

ЛУКА КАРИМОВА

The illustration depicts a fantasy scene. In the foreground, a man with long blonde hair, wearing brown leather armor and a sword, runs alongside a woman with long red hair, also in leather armor. They are running through a misty, dark forest. In the background, a massive, dark, scaly creature with glowing blue eyes and a long, forked tongue looms over them. The overall color palette is dark green and blue, creating a mysterious and dangerous atmosphere.

ЧУЖИЕ
ПУТИ

16+

Лука Каримова
Чужие пути
Серия «Валентор», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51610255

SelfPub; 2020

Аннотация

Каково быть слугой ведьмы по принуждению? Она – моя госпожа, а я ее верный оборотень, готовый сделать все, что прикажет. Но самой желанной мечтой была ее смерть и вот, я наконец-то свободен! Но чтобы избавиться от проклятого магического поводка, позволяющему поработить меня вновь – необходимо встретить ту единственную, которая спасет меня и наши пути с Тамиллой пересеклись. Сможет ли деревенская ведунья избавить меня от ненавистных оков? Путь будет долгим... и я получу то, что хочу, даже если придется пожертвовать одной ведьмой.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Глава 1

В королевстве Валентор, вдалеке от столицы, в деревеньке под названием Нагоре много лет жила старая лекарка. Некоторые люди называли ее ведьмой или ведуньей, другие – знахаркой, а третьи ничего про нее не говорили, а просто шли за лечением. Госпожа Виорика помогала с головными болями, варила травяные отвары от разных болезней, латала рваные раны после встречи со зверьем, была повитухой и спокойно жила, никого не трогая.

Она не ходила с украшениями из костей животных, не носила пестрых цыганских шалей и звенящих золотых браслетов на запястьях и лодыжках. Она была как все: с проседью в некогда рыжих волосах, с тусклыми зелеными глазами, которые когда-то были яркими, как у кошки, со светлым платком на голове, чтобы волосы не мешали работать, и, как у обычной женщины в возрасте, морщинами на лице. Оттого местные кумушки говаривали:

– Была бы она ведьмой, от морщин давно бы избавилась, а то баба бабой – что с нее взять? Лечит, и ладно. А то говорят тут некоторые: мол, ведьма! Так смешно же, тьфу ты!

У Виорики была единственная дочь – Маяна, такая непутевая, что не только учиться чему-то не хотела, а и по дому помогать не рвалась. В голове у девицы были только женихи. Красивая она была, Маяна, парни на нее засматривались,

да только когда принесла она в подоле нагулянного ребенка, то никого к себе не подпускала. Всем рассказывала, что есть у нее жених таинственный и будет она его теперь ждать, из дома носу не покажет.

И люди верили. А что им еще делать, коль действительно Маяну потом никто не видел?

Поначалу упрасивала она мать дать ей зелье, чтоб плод нежеланный вытравить, ревела, проклинала, но Виорика хорошо знала свое ремесло. «Не навреди» – было ее главным правилом. А еще лучше знала она свою непутевую дочь. И в кого такой гусыней та уродилась, сама не понимала.

В назначенный срок разрешилась Маяна девочкой и, как отлежалась немного, собрала свои вещички и ушла из дому. За забором ее ждал жених – не тот самый, о котором она мечтала, а один из многих ее кавалеров, кто решился отправиться за счастьем в город. Там и разбогатеть быстрее получится, чем всю жизнь в грязи прозябать.

Больше непутевая Маяна в деревне не появлялась, а Виорика всем рассказала, что, мол, малютка – это ее внучатая племянница. Родителей у девочки не осталось, умерли от лихорадки, а старой лекарке будет помощь.

Росла маленькая Тамила здоровой и послушной, стала для бабушки настоящей помощницей и опорой. А Виорика снова удивлялась, как у ее непутевой дочери могла уродиться такая умница.

В лекарское ремесло бабка посвящала внуку с малых лет.

Вместе они вставали ни свет ни заря и отправлялись в лес за травами, доходили до соседних холмов и гор. Не зря их деревня носила такое название. Места здесь были богатые целебными растениями, родниками с лечебной водой, чистыми озерами. И во всей этой красоте росла и хорошела Тамилла.

От кого именно Маяна нагуляла дочь, Виорика могла только догадываться, но чувствовала во внучке ведьмачью кровь.

«Коли так, – думала лекарка, – то тем лучше для нее. Ведьмачья кровь – это сила. Колдовать она будет, меня заменит. В лекарском ремесле быть ведьмой необходимо. Любую хворь можно куда быстрее излечить, от чудищ разных деревню уберечь», – рассуждала старуха.

Да только ежели знала бы она, чем этот дар обернется для ее внучки, то уберегла бы ее и отправила куда подальше.

Людам свойственно винить в своих напастях тех, кто от них отличается. Так и с Тамиллой случилось.

Через год молодая ведьма схоронила свою бабушку. Много сил тратила она на помощь деревенским, когда внезапно в селение пришла странная хворь. Люди падали от слабости, истощенные, обескровленные, некоторых уже похоронили...

Догадывалась Тамилла, кто стал причиной подобного лиха: видать, завелся среди жителей самый настоящий упырь, скрывающийся под человеческой личиной.

Пришли за ней на закате – толпа с вилами, факелами. Вы-

волокли несчастную девушку и давай обвинять во всех грехах и напастях. Туда же приплели и то, что от одной соседки муж ушел к другой, и что у сына главы всё не ладится в постели с молодой женой, и что жена мясника никак забеременеть не может, – всё в одну кашу. В Тамилу полетели камни, один зацепил ей в бровь, по щеке потекла кровь.

Связали ей запястья и бросили в сарай, пока мужики дрова для костра собирали, а женщины кричали:

– Сжечь ведунью! Пусть заживо сгорит ведьма проклятая!

Тяжело стало Тамиле на сердце: сколько лет они с бабушкой, а затем она одна, тратили времени и сил на то, чтобы каждого вылечить, позаботиться, роды принять. А теперь она для них словно прокаженная.

– Тами, ты тут? – послышался детский шепот – и в щель между досок заглянул голубой глаз.

– Тимар, ты? – девушка завозилась на соломе и на коленях подползла к просвету.

Да, это был он, сын соседа-кузнеца.

Тимара на попечение Тамилы мужчина оставлял каждый раз, когда по горло был завален работой. Жена умерла при родах, а о мальчике некому было позаботиться, и Тамила назначила саму себя ему в няньки – почитай, с пеленок была с ним, как родная сестра.

– Я попробую тебя вызволить, пока наши там костром занимаются, – он расшатал доску и бросил ей нож. – Порежь веревку, сможешь?

Ведьма взяла нож и, выворачивая руки, стала осторожно, чтобы не порезаться, тереть лезвием о веревку. Вспотела вся, спина затекла, но вот путы наконец распались.

– Готово.

– Хорошо, отец отвлекает Баяна, а ты, как услышишь, что задвижка щелкнула, беги, – строго наказал парнишка. Тимару было десять лет, но рассуждал и действовал он как взрослый.

Дальше Тамилла подползла к двери и прислушалась. Кузнец Тарог о чем-то разговаривал с Баяном, а когда в воздухе запахло разлитым вином, она услышала самый желанный звук – щелчок открываемой задвижки. Тимар схватил ее за руку и вытащил в полумрак. Дверь он снова закрыл, и они припустили во весь дух. Бежали до тех пор, пока Тамилла не увидела деревянную ограду. За ней деревня заканчивалась и начинался непроглядный дремучий лес с опасной топью. Туда, кроме лесников и опытных охотников, никто не осмеливался ходить. Даже бабушка Виорика опасалась туда соваться – целебные травы они с Тамиллой в основном собирали в горах или вблизи озер.

– Иди, лучше в лесу помереть, чем вот так, – сдавленным голосом сказал Тимар, сдерживаясь, чтобы не заплакать.

– Послушай меня, в деревне завелся упырь – это он пьет кровь жителей, живет среди нас и притворяется человеком. Это может быть кто угодно. Скажи отцу, и бегите или позовите ведьмака, чтоб убил его, самим вам не справиться.

– Понял, а теперь уходи. Да хранит тебя костяной дракон¹, – мальчик крепко обнял ее.

– Помни всё, чему я учила тебя, и не забывай оставаться человечным, не поддавайся людской смуте. – Она поцеловала его в лоб и, как была босая, бросилась в лес.

Несколько дней Тамила бежала, делая короткие перерывы, чтобы перекусить ягодами или съедобными кореньями: в летнюю пору лес спасал, не давая умереть с голоду. Еловые ветки служили теплой и надежной постелью, чистые речушки давали вдоволь напиться и умыться. Но в конце концов она окончательно выбилась из сил.

На землю опустились сумерки, то там, то здесь зажигались песчинки звезд. Запах леса настолько ввселся в ее кожу и волосы, что ведьма перестала его чувствовать. Тело болело: она вконец загнала себя, и если ей суждено умереть под старым дубом, то так тому и быть. «Прав был Тимар, лучше такая смерть, чем заживо на костре под людскую брань и несправедливость. Бабушка говорила, что каждая ведьма черпает силы от природы. В пору с весны до осени, когда всё цветет, зреет урожай, ведьмовская сила растет. А зимой, когда холодно и зябко, ведьмачье племя ослабевает, различные чудища тоже уходят на покой, впадают в спячку, темные силы покрываются толстой коркой льда».

От мыслей Тамилу отвлек не то вой, не то крик. Неподалеку словно кто-то плакал, страдал, болезненно выл.

¹ Отсылка к книге «Королевская игла». Первая в цикле «Валентор».

Опираясь ладонями о ствол дуба, девушка медленно встала. Она еле двигалась, ноги нещадно болели – в них словно два раскаленных прута вставили.

За кустами и деревьями она увидела лежащее на земле животное, похожее на волка. Черный блестящий мех, раскрытая пасть с окровавленными клыками, правая лапа зажата в капкане, а вся земля под ним мокрая от крови. При виде девушки зверь оскалился, попытался встать в боевую стойку, но рухнул на задние лапы.

Вдохнув, чтобы успокоиться, Тамила поискала взглядом что-нибудь такое, при помощи чего можно было бы раскрыть капкан. Неподалеку нашлась толстая ветка, которая отлично подойдет, чтобы хоть немного раздвинуть дуги. Взяв ее, девушка медленно подошла к волку – хищник клацнул перед ее протянутой рукой клыками.

– Тихо, я тебя не трону. Дай помогу, а дальше делай что хочешь, – прошептала ведьма, взявшись за верхнюю дугу с острыми зубьями. Протиснув между ними палку, она с трудом раздвинула капкан. Ей пришлось действовать быстро, одной рукой держать палку, а второй – дугу. Руки дрожали, плечи болели, но волк сам вытащил лапу.

Тамила отползла от зверя, зализывающего рану, и поднялась.

– У тебя своя дорога, у меня своя, – развернувшись, она побрела к дубу. Она не хотела умирать здесь, рядом с людским орудием для охоты.

Корень старого дуба манил ее, сделавшись подобием подушки. Да, она ляжет на него и уснет вечным сном, сольется с природой, и над ее телом никто не сможет надругаться.

Тьма и усталость накрыли Тамилу.

Очнулась она от треска костра, тепла и запаха жареного мяса. Желудок, всё это время обходившийся дарами леса, неприятно сжался, рот наполнился слюной. Прежде Тамиле никогда еще не доводилось испытывать чувство голода.

По утрам бабушка кормила ее кашами на жирном коровьем молоке, нарезала свежеиспеченный хлеб, намазывая маслом или домашним вареньем. В обед они ели мясные щи, овощные похлебки, на ужин – жареную птицу. Молодая ведьма оказалась не готова к жизни в бегах.

Раскрыть глаза удалось далеко не сразу. Любое движение давалось с таким трудом, что, когда наконец-то она приняла вертикальное положение, голова закружилась, и ей пришлось упереться ладонями о землю, чтобы не упасть ничком.

– Паршиво выглядишь. Поешь, только маленькими кусочками, иначе тебя стошнит, – посоветовал мужской голос, и в поле зрения Тамилы очутилась широкая ладонь: между пальцами был зажат упомянутый маленький кусочек, который ей заботливо положили в приоткрытый рот. – Жуй тщательно и не торопись.

Она так и сделала, а затем получила второй и третий, и только после этого ей удалось поднять голову повыше.

Перед ней сидел широкоплечий мужчина, на вид лет тридцати, с густой бородой и длинными невымытыми волосами грязно-белого цвета. В ушах блестели серебряные кольца, между густых бровей залегла едва заметная морщинка. На мужественном лице выделялись прямой нос и сжатые в линию полные губы. Из выреза черной драной рубахи виднелась широкая волосатая грудь, на крепкой шее висела свернутая в два раза тонкая, как шнурок, серебряная цепочка. На мужчине были короткие штаны до колен, при этом ноги почему-то оказались босыми.

– Нагляделась? – ехидно спросил незнакомец, обнажив острые клыки и сверкнув золотистыми глазами.

– Ты кто? – ошарашенно спросила Тамила.

– Ведьма, а такая глупая. Вчера ты помогла мне вытащить лапу из капкана, – он показал свою правую руку: на предплечье красовалось пять темных точек от острых зубцов.

– Я же тебе сказала: у тебя своя дорога, у меня – своя. Мне от тебя ничего не нужно – ни благодарности, ни чего другого.

– Какая ты, оказывается, дерзкая. Стоило тебя мяском накормить – и посмотри, как заговорила, – он присвистнул, снова показав клыки в широкой улыбке.

Девушка нахмурилась и резко встала. Зря она это сделала: ее тут же повело в сторону, и если бы не оборотень (а это мог быть только он), то она наверняка приложилась бы головой о землю.

– Тихо, дева. Ноги в кровь, тощая... Если б я о тебе не

позаботился, ты бы уже давно душу богам отдала. Вот пришел бы охотник – вряд ли бы он стал церемониться с твоим телом, – одной рукой незнакомец держал ее за талию, другой убирал бордовые волосы с влажного лба.

...Когда Микель увидел ее прошлой ночью, ему почудилось, что к нему подошла упырица: кожа бледная, еле передвигается, как настоящий мертвяк, ноги в крови. Волосы цвета вина выбились из косы, что доходила до бедер. Под длинными ногтями – запекшаяся кровь и темная земля, губы искусаны и приоткрыты. Ведьма тяжело дышала, будто каждый шаг давался ей с трудом. Но больше всего его поразили глаза: два ярких изумруда – не просто зеленые, а пронзительные, светящиеся в темноте ведьмовские глаза.

Она испугалась его (он слышал, как бьется ее сердце, что ей страшно), но взялась помочь ему и освободила. А дальше, как во сне, побрела туда, откуда пришла.

Он не сразу обратился в человека: сначала ему пришлось подождать, чтобы рана на лапе хоть немного затянулась. Быстрое заживление много раз его спасало.

Молодую ведьму он обнаружил неподалеку: она лежала на корнях дуба и еле дышала. Он не знал, сколько ей понадобится времени, чтобы восстановиться, но понимал: оставаться рядом с капканом, который установил охотник, опасно. Поэтому, как только сам отдохнул, поднял девушку на руки и, обернувшись огромным человекообразным черным

волком, встал на задние лапы и помчался туда, откуда доно-
сился запах воды. Где вода – там жизнь.

Микель успел найти подходящее место у реки под ветвя-
ми ивы и устроить ведьму на охапке еловых веток. Лето вы-
далось жарким, и она не должна замерзнуть. Он напоил ее
водой из пригоршни, а с первыми лучами солнца обернулся
в обычного волка. Устроившись под боком у ведьмы.

Очнулась она только на следующий день, хлопая глазами,
как двухнедельный щенок, и двигалась так же неумело, ху-
денькая и легкая, как пушинка...

– Где мы? – охрипшим голосом спросила Тамила, цепля-
ясь за рукава его рубахи, когда он усадил ее под ивой.

– Смотри откуда ты пришла. Что с тобой произошло, от-
чего ты так долго бежала? – он подкинул несколько веток в
костер.

– Не сейчас... – Она сделала глубокий вдох и на четве-
реньках поползла к воде.

Стоило пальцам коснуться прохладной жидкости, как Та-
миле сразу стало легче.

«Водица родненькая, дай мне сил преодолеть эту боль. Из-
лечи меня хоть немножко», – мысленно взмолилась она, об-
ращаясь к стихии. Но, видно, у нее осталось так мало ведь-
мовских сил, что вода ее просто не услышала.

Умывшись и вдоволь напившись, она обернулась к обо-
ротню:

– Если ты желаешь мне зла, то лучше убей сейчас, пока я так слаба, – она проговорила это спокойно.

Мужчина удивленно вскинул брови, затем рассмеялся:

– Вот девицы пошли: то просят, чтобы я лишил их невинности, одарил своей плотской любовью, то чтобы убил. Ты необычная. Как твое имя, ведьма?

– Тамила. А твое? Сам откуда пришел? Оборотень, а попался в обычный, не магический капкан.

– Давай уговор: ты расскажешь про себя, а я про себя. У меня очень ценная биография, чтобы делиться ею со всякими простолюдинками.

Этот тип держался так надменно, как если бы был аристократом. Но его внешний облик – борода, спутанные волосы и проколотые уши – делал его похожим на цыгана, а не на лорда.

Терять ей было нечего, поэтому Тамила поведала о хвори в своей деревне, о том, что ее попытались сжечь, но она сбежала, и не забыла добавить, что ни в чем не виновата.

– То, что ты не виновата, я понял. Как и то, что ты права в своих выводах. В этой твоей деревушке Нагоре действительно завелся упырь. Не удивлюсь, если после твоего побега он продолжит свое пиршество, и, быть может, очень скоро все твои враги станут его жертвами. Будь ты с ними – могла бы отвадить упыря, но они сами избрали свой путь и избавились от единственного человека, который мог им помочь. Людская глупость не ведает границ, а в деревнях и селах это

обычное явление.

– Твоя очередь.

– Я разве давал тебе обещание? Не припомню, – он хитро прищурился.

– Все оборотни лжецы? – она сложила руки на груди, недобро сверкнув зелеными глазами.

– Я тебе не лгал – это во-первых. А во-вторых, я уже сказал, что моя биография слишком ценная, чтобы делиться ею с простолюдинками, а ты именно такая. Или, может, ты производишь из старинного рода? Графиня Тамила или герцогиня, баронесса, виконтесса, выбирай любой титул. – Он издевался над ней.

Но для себя девушка сделала вывод: перед ней, как бы это ни было печально, действительно сидел аристократ, и, судя по всему, он мог оказаться ведьмаком, а у таких могут быть свои проблемы, о которых ей лучше не знать: живее будет.

Тамила несколько минут смотрела на пламя костра, а затем сосредоточилась и попыталась связать свою энергию с энергией природы. Она села, подогнув под себя ноги, и положила ладони на землю.

«Матушка земля, дай мне сил, дай энергии, чтобы спастись, а ежели нет, то умру я. Помоги своей дочери».

Она почувствовала, как от земли по ее венам течет та самая струйка благодати, которая даст ей шанс выжить. Ей всё равно, куда идти, она может снова поселиться в деревне или в лесу, жить подальше от людей. Сушить на зиму грибы, ло-

вить в проруби рыбу, готовить целебные отвары и продавать их.

– Ты, оказывается, не так бесполезна, как я думал, но для неинициированной ведьмы – слаба, – вывел Тамилу из транса голос оборотня.

– А ты, оказывается, слишком болтлив для аристократа. Видимо, давно ни с кем нормальным не общался, – устало огрызнулась она в ответ.

– Ты мне нравишься. Не боишься меня совсем?

– Нет, а следует?

– Пока что нет. Останешься здесь или пойдешь со мной? – он встал с бревна, чтобы погасить костер.

– А у меня есть выбор?

– Да, можешь прямо сейчас броситься в реку. Твой труп никто искать не будет.

Глава 2

Тамила не знала, может ли доверять оборотню, но если бы он захотел ее изнасиловать или убить, то давно сделал бы это. Она надеялась, что раз он аристократ, то в нем есть их хваленое благородство. Правда, ей никогда не встречался никто по статусу выше, чем глава их деревни, да и тот был таким же простым мужиком, как и другие.

Они шли вдоль реки, куда именно – Тамила не знала. Главное – чтобы оборотень не продал ее в рабство в публичный дом, но тогда она скорее сама покончит с собой, чем перед кем-то раздвинет ноги. Не то чтобы она берегла свою честь для будущего мужа, просто никогда не задумывалась о том, что у нее могут быть отношения, как у любой другой деревенской девушки. Парни чурались ее, обходили стороной. Да, они приходили к бабушке, затем и к ней на лечение, брали лекарства, но никогда не пытались сблизиться. Хотя она не единожды ловила на себе слишком внимательные взгляды мужской половины, но ей было неприятно это внимание – оно пугало. Лучше пусть на нее никто не смотрит, не замечает, чем так откровенно, как они. Любая другая на ее месте радовалась бы, что на нее засматривается сын мельника или мясника, но не Тамила... И вот сейчас она идет по лесу бок о бок с незнакомым и, скорее всего, опасным мужчиной. Иначе от кого он мог сбежать и так глупо попасться в простую

ловушку?

Об оборотнях ей рассказывала бабушка, уважительно отзываясь об этом племени. Изредка под покровом ночи к ним из леса заглядывали несколько таких мужчин или женщин. Бабушка лечила всех без разбору, в уплату ей приносили кто что может: в основном отдавали едой, но порой несли и ткани. Из них бабушка шила себе и внучке одежду, а потом научила и Тамилу.

Игла в руках девушки превращалась в магическую: из-под нее выходили такие наряды, каких не было ни у одной девицы. Дочь местного богатея ходила в дорогих платьях, но от их модного вида людям скорее становилось смешно, нежели завидно, несмотря на богатую вышивку из золотых нитей и жемчуга с камнями. В деревне это смотрелось нелепо.

Тамила же носила дешевые, но добротные ткани, легкие, ладно сидящие по фигуре в летнее время, а в зимнее – теплые и удобные. Тимару она собственноручно сшила шапку с шарфом и перчатки, утеплела его куртку мехом. Кузнец остался доволен ее работой.

Тарог – единственный, кто в тот злополучный день встал на защиту Тамилы, но его словам никто не внял. Нападать на кузнеца мужики не стали только из уважения к его ремеслу. Но Тамила видела, сколько боли было во взгляде мужчины, пока ее тащили через всю деревню к сараю. Не смог он вразумить людей, так хоть помог сбежать. Тогда, сидя в сарае, Тамила слышала его голос: он заговаривал зубы надсмотр-

щико и подливал вина, пока Тимар возился с задвижкой.

В глубине леса, когда она неслась без оглядки, ветер доносил до нее шепот кузнеца: «Беги, малышка Тами, спасайся!» И она спаслась... наверное. Кто знает, что взбредет в голову ее спутнику.

День клонился к вечеру, а они и не думали останавливаться на привал. Целебная сила природы помогла Тамиле подлечить ноги, но просить об отдыхе высокомерного оборотня она не хотела. Он давно уже обернулся черным волком и сейчас резво бежал впереди нее. Ведьма двигалась на упрямстве и собственной выдержке дальше и дальше под светом звезд – единственным, что освещало им дорогу по пустынному полю.

Здесь не росла пшеница, не было и корнеплодных – обычное непаханое поле с низкой травой.

Под утро Тамила стала клевать носом – ей захотелось упасть и не шевелиться; но волк продолжал бег, пока они не достигли края леса.

Отсюда с высокой горки была видна низина, а дальше – острый шпиль темного замка. Вокруг – ничего, только прорубленная сквозь густые заросли тропа. Когда-то и она была покрыта деревьями, теперь же вместо них торчали корявые пни.

Волк ткнул ее носом в бок и потрусил к тропинке, ведущей вниз. Здесь в горке были вырублены ступени, но зем-

ля под ногами всё время обваливалась, так что Тамила даже удивлялась, как она не сорвалась, пока спускалась. Только девушка хотела присесть на пенек, как волк зарычал. Поняв предупреждение, ведьма вздохнула и побрела следом за ним. Уже на подходе к замку ноги стали ей отказывать, и она ухватилась за кованую ограду. Высокие стрельчатые ворота словно упирались в небо – темное, затянутое тучами. Вот-вот должен был начаться дождь, в воздухе пахло грозой.

Волк снова зарычал. Тамила скривила лицо и с трудом толкнула калитку. Та со скрипом подалась, открыв проход ровно настолько, чтобы девушка смогла протиснуться боком.

Во дворе царило запустение. Это была большая территория: некогда белые, а ныне посеревшие от времени и погоды, покрытые мхом фонтаны и садовые статуи, заросшие и давно не стриженные кустарники и деревья. Никто не ухаживал за этим местом, и оно казалось мрачным. В мутных окнах черного каменного замка ничего нельзя было разглядеть.

Дверь главного входа оказалась не запертой, и девушка осторожно ее приоткрыла – несмазанные петли противно заскрипели. Внутри пахло затхлостью, повсюду лежала пыль, и Тамила закрыла лицо ладонью, чтобы ненароком не чихнуть и не потревожить эту мертвую тишину. У нее было плохое предчувствие. И, судя по всему, у волка тоже: его мощные лапы напряглись, мышцы под шерстью заходили буграми, и вместе с рыком он исторг едва слышный вздох, обернувшись

человеком.

– Когда-то это был один из величественных замков нашего королевства. Теперь – обычная развалина, – констатировал оборотень, осматривая высокий потолок: с деревянных балок и дорогих люстр свисали ключья паутины, по углам слышались шуршание и мышиный писк.

– Заночуем здесь, – он прикрыл дверь и уверенно направился изучать заброшенное обиталище.

Ведьма следовала за ним по пятам. Спокойствие мужчины передалось и ей.

Оборотень очень быстро нашел кухню, пошарил в чулане, выудил оттуда бутылку вина, пачку сухарей – и уселся за стол. Бутылку он откупорил с едва слышным хлопком и, не найдя чистого бокала, хлебнул прямо из горла.

– Отменный вкус, – он захрустел сухарями.

Тамила поочередно проверила все шкафчики и нашла для себя мисочку с крупой. Здесь имелась раковина – значит, замок не так уж стар, иначе пришлось бы таскать воду из колодца, который еще необходимо найти. Водопровод – это прекрасно. В ее деревне такое новшество имелось только в доме главы. Когда бабушка лечила его от тяжелых ран, то постоянно охала от восхищения, приговаривая, до чего же удобно так жить.

Ведьма подумывала, не принять ли ванную, когда в коридоре послышались странный цокот и звук слишком тяжелых для человека шагов. Поставив миску на стол, чтобы ненаро-

ком не разбить, девушка перевела испуганный взгляд на оборотня. Тот молча приложил палец к губам и поманил ее к себе.

Они скрылись за дверью черного хода, откуда вверх тянулась винтовая лестница.

Некто зашел в кухню и, учуяв их запах, страшно заревел. Рев был похож на медвежий, но куда громче.

Таща девушку за руку, Микель бросился наверх. По пятам их преследовал рев, но, видать, лестница для зверя оказалась узкой. Вскоре они добрались до приоткрытой двери – и тут же бросились в нее. Зверя это не остановило – он уже неся за ними через весь холл и, миновав широкие ступени, взобрался на второй этаж.

Микель наткнулся на другую лестницу и устремился по ней еще выше. Тамила еле поспевала за ним и уже думала, что у нее не выдержит сердце...

Они оказались в башне. Мужчина закрыл дверь на засов и отошел подальше. Через несколько мгновений раздался громкий удар. В несчастную, но на удивление прочную дверь долбили с другой стороны, ревели, царапали дерево... В конце концов зверь угомонился и, рыча, ушел прочь.

Башня оказалась небольшой спальней – должно быть, когда-то здесь жила какая-нибудь аристократка.

Таких изящных зеркальных столиков Тамила никогда не видела: беленое дерево с золотым орнаментом. На нем лежали щетка для волос с драгоценными камнями на ручке

и шкатулка, из которой выглядывало жемчужное ожерелье. Рядом стояла широкая кровать под бледно-голубым балдахинном, а за ней обнаружилась узкая дверца в ванную и туалет. Что это была за ванная! С круглой, из дорогого камня, емкостью для купания. В шкафу лежали пыльные полотенца и сорочки, но главное – из крана текла теплая вода!

Тамиле стало плевать и на рыскающего где-то за дверями спальни зверя, и на оборотня, из-за которого они оказались здесь. Наконец-то она сможет спокойно смыть с себя пот и страх всех этих дней и лечь на нормальную кровать, а не на горку еловых веток!

Закрыв перед носом мужчины дверь на защелку, ведьма сбросила грязное, пропотевшее платье и, открыв кран, взялась за лейку душа. Всем этим она пользовалась впервые, поэтому действовала по наитию. На полочке стояли покрытые пылью флаконы с разными жидкостями. Разобравшись, где мыло, она наконец-то привела в порядок свои бордовые волосы, до красноты растерла кожу мочалкой и застирала платье с бельем. Наряд она вывесила здесь же, у окна: за ночь всё должно высохнуть, но даже если останется слегка влажным – это лучше, чем ходить грязной. Бабушка всегда учила ее быть чистоплотной, хотя прочие деревенские об этом не особо заботились. Но ни одна уважающая себя ведьма не могла позволить подобное пренебрежение гигиеной.

Вытряхнув от пыли одну из сорочек, Тамила облачилась в нее и, обернув волосы полотенцем, вышла из ванной.

Оборотень разлегся на кровати: судя по всему, он уже наполовину опустошил бутылку. Глаза его блестели и были слегка затуманены.

– Твоя очередь. Или ты так и будешь лежать немывтым? – строго спросила Тамила.

– Нет, оставлю это простолюдинам, – он поставил бутылку на тумбочку и, проходя мимо девушки, повел носом. – М-м-м, а ты, оказывается, умеешь приятно пахнуть. Рад, что хотя бы чистоплотности тебя научили. Неприятно, знаешь ли, делить ложе с немывтой девкой, – и скрылся в ванной.

– Д-девкой? Вот скотина... – прошипела она, топнув ногой. – Чтоб у тебя шерсть повылазила на одном месте, – откинув покрывало, она все-таки чихнула.

Как только голова коснулась не слишком пыльной и такой мягкой подушки, Тамила провалилась в глубокий сон.

Она не видела и не слышала, как из ванной, абсолютно обнаженный, вышел Микель. Как его ладонь бродила над ее оголенным плечом, скрытой под одеялом талией. И не почувствовала, как матрас прогнулся под его весом.

Впервые он делил кровать с целью сна, а не плотских утех.

– Дожил... – пробурчал он себе под нос, прикрыв веки.

Он еще не настолько пал в собственных глазах, чтобы насиловать невинную девушку, а именно такой эта ведьма и была. Будь Тамила инициированной, она помогла бы ему освободиться от цепи на шее. Этот серебряный поводок испортил ему восемь лет жизни.

...В восемнадцать герцог Микель Вестар, сын аристократа, поступил в ковен ведьмаков. Он хотел пойти по стопам своего крестного отца – лорда Давена, который являлся одним из глав ковена. Мать была против: ей претила мысль, что ее единственный и горячо любимый сын будет сражаться с темными, опасными тварями и положит жизнь на алтарь борьбы с ними. Она мечтала о внуках, о том, что ее мальчик удачно женится, и невесту уже подыскала. Но Микель был непреклонен. И когда к двадцати трем годам он закончил учебу, его выбрала в напарники самая обворожительная и сильная ведьма – Асмира.

Тогда ее имя было для него синонимом удовольствий. Он шептал его, когда ведьма мучила его тело страстью, одаривая ласками, дурманя сознание и... обрекая на служение. Тогда-то она и надела на него серебряный поводок. Микель с благодарностью принял его, даже не подозревая о том, в какую ловушку попал по своей собственной воле.

О чем мог думать желторотый юнец, оказавшись в опытных руках такой искусительницы, которой тогда было около тридцати лет, – как ему сейчас. Но тогда она была для него всем: воздухом, без которого он не мог дышать, огнем, который сжигал его тело, после чего он снова воскресал под ее острыми ноготками и нежными руками, игривым языком и ртом, которыми она настолько умело пользовалась, что заставляла его забыть собственное имя.

Так он и забыл о том, что является свободным оборот-

нем, а не слугой своей госпожи-ведьмы. Осознание того, что с ним происходит, время от времени одолевало его, пока он не вдыхал пьянящий дурман ее тела и снова не уходил в страну грез. Она говорила ласково, а целовала страстно, и ради этих поцелуев он готов был на всё, абсолютно на всё, даже убить собственную семью.

Эта мысль испугала и отрезвила его. Он начал присматриваться к Асмيره и понимать, что всё происходящее – это не мечта, а настоящий отвратительный кошмар. В котором его госпожа участвует в немислимых оргиях, деля свое тело с посторонними мужчинами. Ее вотчина – бордель, из которого она выползла, как ядовитая змея, оказавшись в ковене и заработав себе статус сильной ведьмы.

Он пытался сбежать, вырваться, но поводок не давал ему далеко уйти: с каждым шагом, увеличивающим расстояние, он душил его огненным жгутом, причинял боль, ломал кости, скручивал сухожилия – и тогда непокорный раб возвращался к своей госпоже.

Микелю становилось дурно до тошноты, когда он видел Асмире, одетую в полупрозрачный алый шелк, не скрывающий ее расплывшейся талии и уже не таких упругих грудей, а главное – запаха грязной страсти. Его рвало от ее аромата, он молил о смерти... Но начинался новый день – и следовали новые поручения, в которых он больше не был воином-защитником, а был беспощадным палачом. Таким, что вышибает людям мозги, совершенно не заботясь, есть ли у них

семьи или средства для уплаты того или иного долга ведьме, не думая о том, для чего ей нужны невинные дочери и маленькие дети, и не осознавая, что тот изувер, который ходит за ней, словно тень, – это и есть он сам, Микель Вестар. И он проклинал тот день, когда увидел эти завлекающие в бездонную пучину зеленые глаза, когда провел пальцами по вьющимся рыжим волосам, погладил овальное лицо с молочной кожей и развратными губами, которые Асмира так соблазнительно облизывала, закусывала, всячески демонстрируя свою похоть. Эту женщину невозможно было удовлетворить, она жаждала испить своих любовников до последней жизненной капли.

О том, что госпожа ведьма перестала следовать правилам ковена, Микель понял давно. Она могла с легкостью убить всю его семью его же собственными руками – стоило ей лишь поцеловать парня, больно сжать его тогда еще короткие светлые волосы, одурманить своими чарами и сладковатыми зельями вперемешку с духами; любое ее желание становилось законом. Он многому у нее научился и знал куда больше, нежели его однокурсники, но так нельзя было дальше жить – ему нужно было спасение, но какое?

Судьба помогла ему, а быть может, и Смерть решила прибрать к своим рукам ту, которая вместо нее несла в людской мир столько горя.

Наступили ночи кровавой луны. Именно тогда Асмира снимала с себя всю одежду и гуляла вдоль болот, наслажда-

ьясь ночью тьмой и тишиной. Она собирала травы и корни, чтобы потом готовить из них свои смертоносные зелья, одно из которых и было тем самым, одурманивающим разум Микеля. Он молча ждал ее, сидя на бревне и стараясь не смотреть на ее отвисшую грудь, широкие бедра, на которых виднелись следы чьих-то поцелуев.

И вот тогда из черной густой воды появилась болотная виверна. Этот тип монстров был опасен своими ядовитыми испарениями, которые они изрыгали вместо огня. Их острые когти тоже были ядовиты: один порез – и человек может умереть.

И как Микель тогда сдержался, не сорвавшись с места, не произнеся ни звука от увиденного? Но когда его госпожа перестала душераздирающе кричать, а ее окровавленная плоть превратилась в сплошное месиво в пасти монстра, оборотень ощутил одновременно и радость, и боль утраты. Он не мог поверить, что так легко отделался от своей мучительницы. Но всё, что от нее осталось, – это платье, висящее на ветке, и разбросанные вперемишку с лужицами крови пучки трав и корни.

Виверна хотела напасть и на него, но Микель, ощутив внезапный прилив сил, впервые смог свободно обернуться волком – и пропустил так, как не бегал никогда. За ним уже давно никто не гнался – наевшаяся до отвала тварь скрылась в глубинах болота – а Микель всё бежал и бежал. И только когда его лапа попала в капкан, он почувствовал отрезвляю-

щую боль. Тогда-то ему и посчастливилось встретить Тамилу.

Ведьма с волосами цвета вина, глазами-изумрудами и нежной бледной кожей. Она была молодой, невинной и такой свежей – глотком воздуха, которого ему так не хватало. Если бы не раненая лапа, он набросился бы на нее и овладел на месте: ведь так давно он не испытывал настоящего желания, не наслаждался молодым прекрасным телом, а занимался любовью лишь по приказу своей госпожи.

И сейчас молодая ведьма спит рядом с ним крепким и беззаботным сном. Она не знает, чего он хочет от нее: ведь серебряный поводок всё еще на нем и снять его может только инициированная ведьма. Так ему говорила мертвая ныне госпожа... но стоит ли верить словам покойницы? Хватит с него насилия и крови девственниц! Он сделает это позже, когда Тамилу привыкнет к нему и не будет ждать опасности.

Почему Микель не захотел обращаться за помощью в ковены? Потому что знал: у Асмиры там есть свои соглядатаи, не говоря уже о тех юнцах, которые участвовали в ее оргиях. Все они не прочь будут заполучить себе в услужение такого сильного оборотня, как он, а для этого назовут любую весомую причину, вплоть до обвинения его в убийстве госпожи. Это было страшным нарушением кодекса ковена и каралось смертной казнью. А во второй раз боги ему не помогут. Нет, пока он не готов так рисковать вновь обретенной свободой. Он потерпит, смирится с необходимостью носить поводок,

повременит...

Глава 3

Впервые за столько дней пробуждение было приятным. Тамила блаженно потянулась посреди кровати и случайно задела рукой мужское плечо. Рядом с ней спал оборотень, лицо мужчины было безмятежным, и Тамила смогла внимательно его рассмотреть.

Ровный, без единой морщинки лоб, рот слегка приоткрыт. После мытья длинные белоснежные волосы рассыпались по подушке. На обнаженной, с темными волосами груди видны тонкие, как от ногтей, шрамы.

«Кто же тебя так?» – девушка коснулась ран кончиками пальцев, проведя по ним так же, как если бы оставила эти отметины сама.

Тут же ее запястье перехватили цепкие пальцы, и она встретила с напряженным взглядом серо-голубых глаз.

– Если хочешь, можешь быть сверху, хотя для твоего первого раза это неудачная позиция, но я готов потерпеть, – прохрипел он.

Ведьма с шипением вырвала руку и скрылась в ванной, громко хлопнув дверью. Она шептала не подобающие молодой девушке ругательства, проклиная этого развратника.

Охладив разгоряченное от смущения лицо холодной водой, она пощупала платье – сухое, лишь подол слегка влажный. Белье тоже высохло. В отличие от деревенских, Тами-

ла носила не кружевные панталоны, а короткие хлопковые шортики и верхнюю рубашку на тонких бретельках. Бабушка не одобряла подобного, но молодой ведьме так было гораздо удобнее.

Одевшись, она вышла из ванной. У окна, к ней спиной, с обнаженным задом стоял оборотень.

– Любуешься? – он обернулся – и девушка закрыла глаза ладонями. – Чего стесняться-то, тебе ведь не пятнадцать лет, – Микель спокойно прошел мимо.

В ванной он пробыл дольше, чем она. А когда наконец вышел, Тамила сидела за столиком перед зеркалом и расчесывала щеткой волосы. Поймав внимательный взгляд оборотня в отражении, она едва заметно вздохнула и отложила щетку:

– Ну, каков план действий? Снова бегать по всему замку от этого медведеподобного чудовища?

– Не совсем, но близко. Пойдем завтракать, – он открыл дверь и беззаботно вышел. Тамила осторожно шагнула следом. На обратной стороне двери она заметила глубокие следы от когтей и поежилась, представив, что было бы, если бы вчера зверюга до них добралась.

В кухне они оказались не так быстро, как уносили оттуда ноги минувшим вечером. Мисочка с кашей стояла на прежнем месте, но на столе непонятно откуда оказались кувшин с молоком и мясная нарезка с целой корзиной зелени и яиц.

– Надеюсь, ты не белоручка и сумеешь приготовить нам завтрак, а я пока схожу на разведку, – командным тоном про-

возгласил оборотень и ушел, закрыв за собой дверь.

Прежде чем начать готовить, Тамила быстро протерла все поверхности от пыли, вымыла сковородку, несколько тарелок, столовое серебро и бокалы.

Пока поджаривалась яичница с мясом, девушка налила в кастрюльку воды и поставила на огонь. Пламя радовало ее привычным уютom.

Ведьма промыла крупу и засыпала в воду, сняла сковородку и поставила на стол, на специальную круглую подставку. Разлила молоко по бокалам, постелила под тарелки относительно чистые тканевые салфетки, рядом разложила столовые приборы.

Когда каша начала закипать, в кухню вернулся оборотень. При виде сервированного стола мужчина удивленно посмотрел на хозяйственную ведьму, а та, уперев одну руку в бок, молча помешивала кашу на молоке. В корзинке еще оказалась краюха мягкого серого хлеба, а в шкафчике – плотно закрытая баночка с джемом, которую девушка с недвусмысленным видом протянула мужчине.

– Я тебе не муж, чтобы заниматься подобным, – нахмурился он, осматривая банку.

– А я тебе не жена, чтобы завтраки готовить, тем не менее приятного аппетита, – не оборачиваясь, парировала она строгим голосом. – Не можешь – так и скажи, – Тамила протянула руку, чтобы забрать банку, но оборотень уже открыл ее.

– Благодарности не надо. На улице и в доме всё спокойно – возможно, зверь завалился спать, – он с жадностью уплетал яичницу за обе щеки, очень скоро подъев всю зелень и мясо.

Тамила могла бы им залюбоваться, если бы не его высокомерность. Ее спутник был действительно очень привлекательным мужчиной, но его характер оставлял желать лучшего. Хам!

Покончив с приготовлением каши и поев сама, девушка помыла всю посуду и сложила ее в единственном чистом шкафу, который заранее тщательно протерла.

– Мое имя Микель, – представился оборотень, наблюдая за ее хлопотами.

Но ведьма даже ухом не повела.

– Не спросишь, к какому роду я принадлежу?

– Мне до этого нет никакого дела, я к тебе в услужение наниматься не собираюсь, – она закрыла дверцы и поставила на плиту отмытый чайник, после чего вышла на улицу.

Мужчина последовал за ней.

– И куда ты направилась? Жить надоело? – ворчал он, пока она, склонившись над кустами смородины и мяты, осторожно обрывала листики и вдыхала аромат.

– Ты сам сказал, что всё спокойно и зверь спит, а я хочу чаю. В доме его нет, – она выпрямилась и пошла обратно.

Чайник закипел, она поискала по ящикам и выудила из дальнего угла запывлившуюся стеклянную емкость с крыш-

кой. Внутри оказался кофе. Хмыкнув, ведьма подошла к плите и, взяв чистые чашки, в одну насыпала две чайные ложки кофе, а во вторую добавила ароматные листики, после чего залила и то и другое кипятком.

– Неужели пахнет тем, о чем я думаю? – оборотень встал у нее за спиной, жадно вдыхая аромат кофе, которым уже пропитались бордовые волосы Тамилы.

– Тебе добавить молока? – не оборачиваясь, спросила она.

– Добавь... – шепотом ответил Микель, сев за стол.

Перед ним поставили чашку и положили тарелку с нарезанным хлебом с клубничным джемом. Оборотень с удовольствием съел один ломтик и уже потянулся к другому, когда его, как нашкодившего ребенка, хлопнули по ладони.

– Ты не один, – Тамилла забрала бутерброд и откусила кусочек, облизав губы тонким язычком.

От этого действия внутри у Микеля что-то дернулось. Нет, это было не отвратительно, не пошло, как с Асмирой, – ему понравилось.

Молодая ведьма была симпатичной и далеко не глупой девушкой. Во сне она выглядела еще более невинной, нежели сейчас, но тогда она крепко спала, полностью расслабившись.

– Если бы не присутствие зверя по соседству, то здесь можно было бы обосноваться, – он неторопливо попивал кофе.

Тамилла посмотрела на запыленный потолок и задумчиво

вздохнула:

– Я не против.

– Еще бы ты была против. Не часто деревенской девке разрешается просто так жить в старинном замке.

Ведьма сверкнула на него зелеными глазами, ее рот слегка приоткрылся, она снова была готова на него зашипеть. Микелю даже послышалось рычание, но Тамила закрыла глаза и сделала успокаивающий вдох.

– Пока что начнем приводить эти хоромы в порядок, а если зверь проснется, то мы об этом узнаем, – продолжил оборотень.

– Интересно, как? Думаешь, он вежливо постучит в дверь и скажет: «Прошу прощения, гости дорогие, но сейчас я буду бушевать»? – с сарказмом отметила ведьма.

– Мне всё больше нравится твой острый язычок, как-нибудь я укушу тебя за него. А пока что – да, так он и сделает, поверь мне, – Микель хитро улыбнулся и, поставив чашку в раковину, вышел в гостиную.

Тамиле потребовалось два часа, чтобы привести в порядок кухню и чулан с кое-какими продуктами. Она не знала, как на столе оказалась корзинка с едой, но надеялась, что это добрая магия, – быть может, подарок от духа замка, истосковавшегося по живым людям. У нее не возникло никакого предчувствия беды, и это успокаивало.

Все съедобные продукты она перенесла в угловой шкафчик. Целую кастрюлю каши, что она наварила, убрала в

небольшой подвальчик, где оказалось на удивление чисто. Там же обнаружилось много чего еще: свежее мясо, высокая стойка с множеством бутылок, различные соленья, ящик картофеля и прочее. Для пира мало, но на недели две им хватит.

– Ведьма, ты здесь? Или, когда я спущусь, то увижу твое хладное тело? – в подвал со свечой сунулся Микель.

При виде блестящих бутылок он повеселел и прихватил с собой парочку.

– Нам нужна спальня поближе к провизии, я как раз нашел подходящие помещения на первом и втором этажах. Приберись там и наконец-то начни пользоваться своими ведьмовскими чарами. Какой смысл быть ведьмой, если не колдуешь?

Тамила помнила бабушкин наказ: при посторонних ни в коем случае не колдовать, – но поскольку кроме них с Микелем здесь никого не было и она достаточно отдохнула, то можно попробовать.

Первая спальня оказалась в нескольких шагах от кухни; она была проще, чем та, что в башне, но здесь тоже имелась широкая кровать, а также ванная с туалетом. На окнах стояли решетки, и Тамиле это не понравилось. Если зверь выломает дверь, они не смогут сбежать, разве что в ванной закроются.

Ее озабоченный вид заметил оборотень:

– Понимаю, здесь мы как в ловушке, поэтому пойдем на

второй этаж. Оттуда у нас целых три хода к отступлению: винтовая лестница, ведущая через черный ход в кухню и на улицу, главная дверь из спальни по коридору на первый этаж, а еще окно – там есть балкон, и по стене можно спуститься.

Они поднялись наверх, и уже здесь Тамила вскинула руки и приступила к колдовству: окна с хлопком распахнулись, впуская в помещение свежий воздух. Ветер пронесся по спальне и ванной, унося за собой всю пыль, делая постельное белье и прочие ткани свежими, как будто их только что выстирали.

– Можешь ведь, когда захочешь, умница девочка. А вот и подарок, – он протянул ей щетку для волос и комплект ночных рубашек, которые до этого были в башне. – Жемчуга не предлагаю, они подходят не всем.

Всё это оборотень говорил с такой слащавой улыбкой, что ведьме захотелось огреть его по лицу той самой расческой для волос, а драгоценные камни из рукояти вставить ему вместо зубов.

«Остынь, слишком часто ты стала нервничать», – успокоила себя она и применила очищающие чары к рубашкам.

Здесь в ванной тоже была стопка полотенец, в шкафу висело несколько женских платьев, стояла обувь, лежало нижнее белье. Насчет последнего, правда, она решила, что никогда его не наденет из-за обилия рюшей.

– Да, раньше такое было в моде, хотя и сейчас многие барышни не брезгают носить подобное. Я же нахожу, что мож-

но вообще обходиться без белья, – оборотень подмигнул ей и покинул спальню.

– О небеса, дайте мне терпения в этом жизненном испытании! – взмолилась она и закрыла шкаф.

В тумбочке Тамила обнаружила парочку подсвечников и спички – это могло пригодиться ночью. Из кухни она принесла кое-каких продуктов, не забыв и про бутылки с вином, которые оборотень оставил на столе, а также взяла вареных яиц – уложила всё в пустую корзинку и отнесла наверх, поставив в прохладной ванной на пол, подальше от солнечного света.

Если предыдущая комната была бледно-голубой, то эта – зеленой с золотыми узорами на обоях. Поглаживая гладкую ткань, которой были обиты стены, Тамила ощутила под пальцами легкое дуновение сквозняка. За балдахином оказалась дверь, ведущая в еще одну спальню – детскую, с крохотной колыбелькой под прозрачным пологом; у окна – низкий широкий подоконник, рядом – диванчик с пледом и атласными подушками. Всё в светло-золотых тонах.

«Наверное, женщина, которая жила в этой комнате, была матерью...»

Пока оборотень отсутствовал, она навела здесь порядок. За окном обнаружилась лесенка из выступов в каменной кладке, и при желании по ним можно было спуститься вниз или забраться на крышу.

Наполнив водой пару фарфоровых кувшинов, она остави-

ла их в спальне и, закрыв дверь, вышла в коридор на второй этаж. Осмотр не занял много времени. Оказалось, что здесь есть библиотека, много жилых комнат, гостиная и пара кабинетов.

Прогуливаясь по саду, ведьма набрела на яблоневые деревья. Ветви их прямо-таки ломились от веса спелых плодов. Девушке стало жаль деревца, и она стряхнула с них лишний груз. Ветви тут же поднялись выше, ветер всколыхнул крону. Тамиле почудился вздох облегчения. Собрав яблоки в подол платья, она отнесла их в дом.

«Как раз осталось несколько сырых яиц, а на полке я видела коробочку с мукой и всем необходимым».

Через полтора часа кухня наполнилась ароматом яблочного пирога, к которому полагался кофе.

– Интересно, в таком большом замке есть домовые? Может, это они оставили корзину? – вслух размышляла девушка, помешивая ложечкой в чашке с ароматным напитком.

– Кхм, кхм, молодая хозяйюшка... если ты поделишься с нами этим вкуснейшим десертом, то мы поможем тебе с уборкой... – слышался откуда-то сверху писклявый голосок.

Ведьма подняла голову, но на балках никого не было. Пожав плечами, она разложила три кусочка на чистые блюдца и оставила на столе, а сама вышла на улицу к мятному кусту.

Растирая листик между ладонями, ведьма вспоминала всё, что ей рассказывала бабушка:

«Домовые есть в каждом доме, они заботятся о чистоте жилья, доставляют почту и еду. Хозяйничают в огороде и саду. Питаются обычной едой и энергией от заботы хозяина. Если хозяин уважает их и уделяет внимание, они будут отвечать взаимностью... – Тамила призадумалась. – А что же с этим замком? Если есть домовые, то должен быть и хозяин, иначе бы они давно ушли на поиски нового людского жилья».

Тамила вернулась в кухню. Блюдца оказались пустыми, и девушка широко улыбнулась. Она никогда не видела домовых. Ей было очень любопытно посмотреть на них, а еще лучше – пообщаться со столь незаменимыми помощниками.

– Угощайтесь, я еще испеку. Покажете мне? Или вам нельзя? – спросила ведьма.

– Хозяин Масикавелий не запрещал. Он сказал, чтобы мы не попадались ему на глаза. В последние дни он слишком ворчлив, – ответил мужской голос.

– Это всё из-за лета. На улице для него слишком жарко и солнечно, от этого у него всегда портится настроение. Хозяин – тот еще ворчун, – пояснил женский голос.

– Тш-ш, не смей говорить о нем плохо при посторонних. Только из-за него мы всё еще здесь живем.

– О да! – недовольно воскликнула домовиха. – Живем в пыли. Хоть бы разок отблагодарил нас ласковым словом – так нет, вечно кричит. Грубиян! А всё из-за того, что его прокляла та ведьма.

– Простите, что встречаю, но какая ведьма и кто ваш хозяин? Я тоже ведьма – быть может, смогу вам помочь? – Тамила озиралась по сторонам, пока над ее головой не возник сидящий на балке мужичок с бородкой и в очках, а рядом с ним – такая же коротышка в платице в горошек и в сером передничке.

– Здравствуйте, меня зовут Тамила. Прошу прощения, что вторглись в ваш дом, но нам некуда было идти, – вежливо, как бабушка ее учила, пояснила ведьма.

– Не волнуйтесь, мы рады свежей крови. Я Мотя, а этот прохиндей – мой муженек Тодя. Мы домовые этого замка, хотя от его былой роскоши практически ничего не осталось, – коротышка тяжело вздохнула, наморщив похожий на картофелину нос.

– Это я принес вам корзину, вы ведь даже не успели поужинать. Хозяин загонял вас по дому – хорошо, что вы спрятались в башне. Он туда обычно не поднимается, но, видать, неплохо поохотился и сил прибавилось. Обычно он жалуется на головные боли и ломоту в суставах, – поведал Тодя, шевеля ногами в коричневых, начищенных до блеска ботиночках.

– А я как раз лекарь, – поделилась ведьма.

– Все эти боли – лишь плод его воображения. После проклятия он стал жутко мнительным. Ему поможет только влюбившаяся в него дева, которую и он сам тоже полюбит, – так гласит завет покойной ведьмы, что прокляла его, – наставительным тоном поведала Мотя.

– Что же с ним случилось, за что его прокляли? – Тамила опустила на стул и отпила остывшего кофе.

– Когда-то давно наш хозяин был одним из богатейших людей королевства. В этом замке постоянно гостил старый король: нескончаемые балы, роскошь, блеск – вот это были деньки, – Мотя мечтательно закатила большие голубые глаза. – Наш хозяин стал очень распутным молодым человеком, не пропускал мимо себя ни одной женской юбки. И как-то раз ему попала одна строптивица, которая не отвечала ему взаимностью, и он взял ее силой, тем самым инициировав молодую ведьму. И в отместку за надругательство над своей честью она прокляла его. Молодка совсем, но ненависть придала ей сил, раз проклятье получилось таким действенным. С тех пор наш хозяин превратился в чудовище, став отражением своей темной души. По ночам он рыскает по замку и его окрестностям, а днем отсыпается в подвалах: там прохладно. От этой жары беднягу подташнивает. Он настоящий меховой ком, не зря вылитый медведь, только гораздо крупнее. В осенне-зимнюю пору живет в своих апартаментах, весь третий этаж в его распоряжении.

– Значит, чтобы снять проклятье, он должен полюбить, и чтобы его полюбили в ответ? – уточнила Тамила.

– Верно, да только кто ж захочет к такому приблизиться: он страхолюдина та еще. Не говоря уж о дурном характере.

– Мотя, ну что ты такое болтаешь?! Хозяину просто необходимо каждый день мыться, вычесывать шерсть, стричься,

пилить когти и... быть терпеливым, контролировать зверя внутри себя – тогда к нему возвращается более-менее человеческий облик.

– Он по-прежнему останется чудовищем! – всплеснула руками женушка, сурово глянув на Тодю.

На это муж покивал, соглашаясь, и тяжело вздохнул, сложив руки на груди.

– Но вы правильно выбрали комнаты, у мужчины твоего котелок хорошо варит. Он хоть и оборотень, но своего зверя может обуздать, а наш... нет, – Мотя опять всплеснула руками. – Так что вы по ночам не выходите – сидите как мышки, если что, мы вам еду доставим. Смотрю, ты ведьма хорошая, заботливая, а главное – хозяйственная. Мы так-то следим за домом, но когда не получаешь благодарности, то и самому не хочется ничего делать... – она смущенно отвела взгляд, комкая пухлыми пальчиками передник.

– Понимаю, – Тамила улыбнулась и, взмахнув рукой, очистила одежду домовых: передник стал белоснежным и хрустящим, как новенький, а ботинки Тоди засверкали еще сильнее.

– Ой, батюшки! Дорогой, ты чувствуешь?! – домовиха подергала мужа за рукав.

– Тепло... как когда-то... ах, это чувство, – он обнял жену и утер с ее щеки слезинку. – Если молодая ведунья останется, то худо не будет.

– Вместе веселее. Я девочку в обиду не дам. Пусть хозяин

только попробует замахнуться на нее своей немытой лапой, я этот замок превращу в клубок из паутины – и пусть дальше гниет.

– Мотя, а скажите: обязательно ли ведьме, чтобы стать инициированной... вступать в... близкий контакт с мужчиной? – шепотом спросила Тамила, осмотревшись по сторонам.

– Обычно так и случается. Ведьма выбирает себе достойного мужчину – это может быть ее жених или просто кто приглянется – и дело делается. Но я знаю, что ведьмаки могут это сделать и другим способом, но каким именно – нужно спрашивать у них. Эти балахонники сидят в своих ковенах по всему королевству и ведать не ведают о невзгодах жителей: им бы только со всякими ужасными тварями разбираться. Но поверь мне, молодка, лучше сделать это с любимым женщиной, чем потом с первым встречным, который о тебе даже не позаботится, – это ведь дело тоже непростое и несколько болезненное, хотя у каждого всё по-своему.

– Да не пугай ты девушку! Растрещалась, – осадил ее муж. На щеках у него горел румянец.

– Тодя прав: если любишь, то потерпишь, а иначе никак. Но зато быстро сделала дело – и вот ты уже сильная ведьма, прибираться в таких замках будешь на раз-два, практически по щелчку пальцев, природа будет тебя охотнее слушаться, делиться энергией. Поэтому присмотрись к своему оборотню. Язык у него хорошо подвешен, красавец, каких не везде

встретишь, к тому же аристократ, – Мотя подмигнула ей, и они с мужем исчезли.

В коридоре послышался шум, и в кухню вошел тот самый аристократ и красавец-мужчина:

– Вижу, не бездельничала. Люблю рукастых женщин. Пирогом угостишь? – он положил на стул наточенные мечи и колчан со стрелами.

Тамила тяжело вздохнула и молча поставила перед ним тарелку с двумя большими кусками пирога, щедро посыпанными корицей.

Глава 4

Ночь подобралась незаметно, но к этому времени Тамила и Микель уже сидели как мышки в спальне, закрывшись на замок. Перед этим девушка заглянула в библиотеку и выбрала несколько книг об инициации ведьм, на которые ей указала Мотя. Теперь, устроившись в кровати с зажженными свечами, ведьма внимательно читала, вникая в каждую строчку и в каждое слово.

Она не хотела попасть впросак, прекрасно понимая, что Микель в магии гораздо более опытен. Не хватало, чтобы он инициировал ее, заранее одурманив какими-нибудь травами или зельями.

Она уже приняла ванную, облачилась в чистую ночную рубашку и поплотнее завернулась в одеяло, чтобы он не вздумал распускать свои шаловливые руки.

Оборотень лежал на своей половине кровати, попивал из бокала вино и... читал стопку старых газет, которые нашел в коридоре. Должно быть, со стороны они выглядели как супружеская пара: обоим не хватало лишь морщин да очков.

Смежив уставшие глаза, Тамила отложила книгу и, свернувшись калачиком, стала медленно засыпать. Она слышала, как оборотень шелестит газетой, переворачивая страницы, а когда он с легким звоном поставил на тумбочку бокал, ведьма почувствовала, как он подбирается к ней поближе. Вот

его дыхание с ароматом винограда коснулось ее щеки, и... Микель задул свечи.

Чуть позже по замку пронесся вихрь под названием «хозяин»: он громко ревел и бушевал, но на верхние этажи подниматься не стал и через некоторое время удрал в сад.

– Вот бездарь, тут лежит такая дева, а он в лес сбежал. Видать, охота ему больше по вкусу, чем твое бледное тельце, – отпустил очередную остроту оборотень, поглядывая на девушку.

Тамила молчала, моля о терпении. Хотя в обществе оборотня она и так вела себя настолько по-ангельски, что ей давно нужно было поставить памятник или причислить к мученицам.

Серебряная цепочка по-прежнему висела у Микеля на шее, и как он ни пытался ее разорвать, каким оружием ни резал – ничего не помогало. Так ошейник и остался при нем. Свободное время оборотень провел в кузнице и на конюшне, приводя всё в порядок, хотя и сам толком не знал, надолго ли они задержатся в замке или зачарованный хозяин сведет их с ума своими ночными забегами.

Разговор ведьмы с домовыми он прекрасно слышал. В словах Моти была правда: если Тамила не захочет провести стандартную инициацию, то это сделают в ковене, но другим, более болезненным способом. Влезут к ней в голову, выжигая всё на своем пути. Некоторым девушкам после подобной процедуры бывало очень тяжело прийти в себя.

«Неужели я совсем ее не привлекаю?» – он посмотрел на спящую.

Но чего он от нее хочет, когда сам о себе ничего не рассказывает и почему-то всегда ее подкалывает? Пытается вывести вечно спокойную и терпеливую девушку из себя.

«Она лекарь, а этот народ отличается той еще несгибаемостью...»

Некоторое время он лежал, прислушиваясь к размеренному дыханию ведьмы, и собирался было уже уснуть, когда девушка развернулась и устроилась у него под боком, раскинув руки в стороны.

– Ба... не хочу... – пробурчала сонным голосом Тамила и потерлась носом об обнаженное плечо оборотня.

По его телу пробежали мурашки, а позвоночник прострелило разрядом тока. Оборотень сдавленно сглотнул и потянул носом аромат корицы и яблок, исходящий от волос ведьмы.

«Еще и во сне разговаривает. "Ба..." Бабушка? Или это имя?» – он осторожно снял ее руку со своей груди, но девушка вернула ее обратно, впившись ноготками в его кожу. Это было выше его сил, и оборотень, усмехнувшись, погладил ведьму по обнаженному плечу, стягивая рубашку еще ниже, пока широкий ворот не оказался на сгибе локтя, оголив спину до лопатки. Затем он скинул с нее одеяло, любуясь стройной длинной ножкой. В полумраке кожа казалась белоснежной, подол рубахи задрался выше колена, обнажив бед-

ро до середины. Дальше Микелю пришлось бы разбудить ее, поэтому он оставил всё как есть и уснул с довольной улыбкой.

Наутро Тамила проснулась оттого, что почувствовала, как ее обнимает за талию горячая рука; догадаться, кому она принадлежит, не составило труда. Девушка закатила глаза, ощущая жар от ладони на животе. Затем оборотень провел рукой по ее обнаженному бедру, потягивая рубашку вверх, и сжал ягодицу. Уткнувшись ей в затылок и прижимаясь всем телом он зарычал. У Тамилы чуть сердце не выпрыгнуло из груди, когда она ощутила, что лежит в постели с самым настоящим мужчиной, а не с мальчиком.

Стараясь не разбудить его, она выскользнула из объятий и, приведя себя в ванной в порядок, сбежала вниз.

В кухне ведьму ждала новая корзинка с яйцами, молоком и мясом.

Ветчина призывно шкварчала на плите, пока Тамила взбивала смесь для омлета. Мотя появилась позже, неся в переднике свежие помидоры и огурцы. Ведьма сердечно поблагодарила маленькую женщину, после чего нарезала в омлет помидоров и добавила тертого сыра.

– Ох и хозяйственная ты. А так и не скажешь, что из деревенских, – задумчиво отметила домовиха, раскладывая на столе салфетки и приборы.

– Что ты имеешь в виду? – Тамила нашла заварочный чайник и ополоснула его кипятком.

– Смотрю на тебя: вроде ты деревенская, а с другой стороны – прямо аристократочка. Вон, даже за столом вчера как ухаживала за своим оборотнем: и салфеточку ему расстелила, и посуду всю помыла, расставила как полагается.

Тамила непонимающе посмотрела на домовиху:

– Так я и есть из деревни, а всему этому с детства бабушка учила. Говорила, что не может ведьма быть простолюдинкой, не ведающей о том, как вести себя за столом или как мужу своему еду подать. У нас в Нагоре всё просто: едим одной ложкой и вилкой, тарелка одна, там не привыкли к богатым сервизам и этикету.

– Вот мне интересно: с чего бы простой лекарке учить свою внучку этому самому этикету?

Тамила знала ответ на этот вопрос, но отвечать не захотела. Какая разница, почему она всё умеет и знает.

– Засиделась я с тобой, – сказала Мотя, – надо еще в доме прибрать. Вчера ты нас одарила своей заботой, накормила стряпней, которую собственноручно приготовила, поэтому и сил прибавилось. О, чую, твой мужчина идет, приятного аппетита, – и исчезла.

Тамила посмотрела на место, где только что стояла домовиха, и погасила огонь в плите. Пышный золотистый омлет она переложила на широкую тарелку, рядом поставила чашку с дымящимся кофе.

Когда Микель вошел в кухню, его ждал завтрак.

– А говорила, что не жена и не прислуга. Стоило мне

прийти, как всё готово, – он сел на стул и взялся за вилку с ножом, поддев с тарелки поджаренную полоску бекона.

Ведьма, как всегда, проигнорировала его колкость и уселась напротив: стол был квадратный, на четыре человека. Тамила ела яичницу с ветчиной и кусочками свежих помидоров. Как и вчерашние яблоки, овощи оказались очень вкусными – а значит, замковая земля плодородная и добротная.

Дать урожаю пропасть Тамиле не позволяли честь и крестьянская совесть. Жители ее деревни каждый урожайный год собирались, брались за огородный и садовый инвентарь, шли в поля, на грядки – и работали бок о бок, чтобы зимой никто не голодал.

Люди в деревне были не то чтобы плохие или хорошие, но боязливые. Если бы не история с упырем, Тамила до сих пор бы занималась там лекарским ремеслом. Да, она была очень сердита на них, но, когда вспоминала маленьких детишек, которых лечила, ей становилось грустно. «Как они там без меня? А ведь в следующем месяце жена пекаря должна родить, и кто поможет бедняжке?»

Она слишком глубоко задумалась и громко вздохнула, что не укрылось от оборотня, который уже покончил с омлетом и теперь намазывал на хлеб масло. Сверху он полил его вишневым вареньем и отпил кофе.

Микель был страсть как доволен тем, что нынешнее время для него – как долгожданный отпуск. Восемь лет он вкалывал на свою госпожу-ведьму, не зная отдыха. И лишь изред-

ка самостоятельно выбирался в какую-нибудь таверну, чтобы напиться. А вот сходить в бордель и выбрать себе понравившуюся девицу – об этом и речи быть не могло. Асмира была очень ревнивой: если она сама не выбирала девушку и не отдавала приказ, он не имел права ни к кому прикоснуться. Бывало, что госпожа по несколько месяцев не позволяла ему физической разрядки, и в такие периоды, когда Микель видел, как Асмира сама развлекается в борделях или роскошных домах знати, участвует в оргиях, а он вынужден стоять в темном углу и наблюдать за ней по ее же приказу, ему становилось тошно. Здесь же, в замке заколдованного лорда, он чувствовал, что отдыхает и телом, и душой. И, если бы молодая ведьма была поговорчивее, он был бы на седьмом небе от счастья.

Но всё это решится его сегодняшним походом в деревню. Она находилась в часе ходьбы от замка, бегом или верхом можно было бы добраться быстрее. Он всё еще раздумывал, брать ли с собой ведьму: вдруг там окажется кто-нибудь из ковена? Ведьмаков и ведьм частенько заносит в разные дальние и темные уголки королевства. А молодая ведьма будет гарантией того, что на него не нападут и не захотят сделать рабом. Поводок-то всё еще на нем, а об этой детали он ни на минуту не забывал.

«Если кто остановит, скажу, что принадлежу ей, и всё. Она ведьма, а большего и не нужно. Вечером праздник – пусть девчонка погуляет, выпьет вина, расслабится. Может,

встретит какого-нибудь парня и пройдет инициацию».

– Вечером со мной в деревню пойдешь, – не спросил, а как будто приказал оборотень.

– С чего бы мне с тобой туда идти?

– Потому что там будет праздник. Ты, судя по всему, никогда не веселилась – даже не знаешь, как танцевать у костра.

– Знаю, да только не до веселья сейчас. По дому в любой момент может рыскать хозяин замка – как ты собрался ночью возвращаться?

– Кто сказал, что собрался? Скорее всего, заночую у какой-нибудь селяночки. Ты же не хочешь меня обласкать, поэтому не вижу смысла тратить свое время на такую ледышку, как ты.

– Вот и не трать, – процедила Тамила, убирая грязную посуду со стола. На миг оборотню показалось, что девушка треснет его тарелкой по голове: кажется, он перегнул палку, назвав ее ледышкой.

Эта деревенская ведьма была странной: она не отличалась болтливостью, не закатывала истерик, не вешалась на шею – вообще ничего из того, что обычно делают простолюдинки при виде красивого аристократа, харизматичного оборотня. Тамила просто не видела в нем мужчину – по большей части была молчалива, без повода с ним не заговаривала и держалась на расстоянии (насколько это было возможно в одной кровати, которую они делили в целях безопасности). По крайней мере во всем, что касалось защиты, она ему до-

веряла и не перечила. Убиралась, готовила, еще немного – и будет латать дыры на его рубахе, как послушная женушка.

При обыске дома он обнаружил несколько мужских комнат и из многообразия вещей смог выбрать себе более-менее подходящие штаны, обувь и несколько рубах с жилетами.

Тамила закончила с посудой и, вытерев руки полотенцем, подхватила пустую корзину и отправилась на улицу.

Микель наблюдал за ней со стороны. Ведьма ходила по саду: рвала целебные травы, затем ползала под яблонями, выбирая более-менее хорошие плоды.

«Видать, снова будет печь пирог».

– Ты бы сходила ягод нарвала, а то есть одно и то же быстро надоедает! – обронил он небрежно, прислонившись к дверному косяку и щурясь от солнечных лучей.

Девушка нахохлилась, вжав голову в плечи, и встала с земли.

– Ну так показывай, где ягоды растут, а не стой столбом, – она уперла руки в бока; корзинка висела на сгибе локтя.

Сделав недовольное лицо, он подошел к ней и, взяв за руку, повел в противоположную от яблонь сторону. У самого забора росли кусты черной и красной смородины; здесь же были крыжовник и малина.

– Дальше – пара грядок земляники и клубники, – ткнул пальцем оборотень.

Тамила поставила ношу на землю и, вместо того чтобы собирать ягоды, стала их планомерно поглощать, пока не пе-

репачкала все руки.

– Ты что, голодающая? Никогда ягод не ела?

Девушка промолчала и приложила к раскрытому рту оборотня ладонь с красной смородиной, заставив съесть. Микель был не против, напоследок облизнув ее пальцы, но Тамила как будто не обратила на это внимания, хотя он видел, как на ее тонкой шее запульсировала вена и она чаще задышала.

Дальше ведьма прилежно собирала ягоды для выпечки, и к обеду были готовы два смородиновых пирога. Один для домовых, а второй для них с Микелем.

От похода в деревню Тамила отказалась, и на закате оборотень ушел один. Девушка бродила по четвертому этажу, но, кроме очередных запыленных комнат, здесь ничего не было, и она поднялась в башню. Немного колдовства – и вокруг чистота.

Эта спальня ей нравилась: она была уютная и высоко над землей, в отличие от той, в которой они с оборотнем последний раз ночевали. Из окна открывался потрясающий вид – а с крыши, наверное, он был бы еще более захватывающим.

«Стоит как-нибудь наведаться туда. Я могу остаться ночевать здесь – тогда, если этот несносный оборотень вернется навеселе, мне не придется терпеть его приставаний».

Так она и решила. Мотя принесла ей корзинку с творогом, баночкой джема, хлебом, яблоками и мисочкой малины.

Они с домовихой сидели за круглым столиком у окна и пили чай.

Тодя присматривал за хозяином в подземелье.

– Мотя, а чья это спальня? – спросила ведьма.

– Раньше она принадлежала сестре хозяина. Хорошая была девушка. Жаль, что здоровье подвело ее – очень слабой родилась, умерла от болезни, бедняжка. Госпожа Лианора – свет в окошке, она одна могла справиться с капризами младшего брата, нашего хозяина. Они ведь оба рано осиротели – быть может, поэтому хозяину всегда хотелось наполнить этот большой дом гостями, блеском балов, шумом голосов. Их матушка скончалась вторыми родами, а отец сломал шею на охоте, упав с лошади, когда молодой госпоже было пятнадцать. У них с братом разница в возрасте десять или одиннадцать лет. Она его и воспитывала, когда сама не училась.

– А как же няни, гувернантки?

– О, они были, конечно, но рядом с мальчиком никто подолгу не задерживался, уж не знаю почему. В детстве он был очень спокойным ребенком, рассудительным. Ходил за сестрой хвостиком, а потом, когда ее не стало, он и изменился. Восемнадцать лет – самый прекрасный возраст для молодого человека... В глубине сада есть пышный розарий, там стоит беседка, за ней могила Лианоры, вся заросшая, неухоженная, – Мотя тяжело вздохнула. – Хозяин запретил к ней приближаться, не позволяет заботиться о ней. Иногда он во всем винит сестру: если бы она не умерла, его бы не настигло про-

клятье.

– Окружающим всегда проще обвинить другого, чем признать собственные ошибки, – кроме похода на крышу Тамилла взяла себе на заметку и поиск розария.

– Уже поздно, ложись отдыхать. Когда оборотень вернется, я скажу ему, что ты ночуешь здесь.

– Спасибо.

Домовиха исчезла, а ведьма закрыла дверь на засов и села перед зеркальным столиком, неторопливо расчесывая волосы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.